

УДК 94(47).084.3

РОЛЬ МОЗДОКСКОГО СЪЕЗДА НАРОДОВ ТЕРЕКА В НАЛАЖИВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА МЕЖДУ ИНГУШЕТИЕЙ И БОЛЬШЕВИКАМИ

Т. Х. Матиев

Матиев Тимур Хусенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ингушский государственный университет, Магас, tmt_77@list.ru

Статья посвящена анализу предпосылок, основных движущих сил, итогов и последствий действий большевистской фракции во главе с С. М. Кировым на Моздокском съезде народов Терека в январе 1918 г. В статье указано, что данный форум был первым опытом сотрудничества большевиков и ингушей в политической сфере. Разгоревшаяся в конце 1917 г. на Тереке междоусобная война, в которую была втянута Ингушетия, могла быть превращена реакционными силами в инструмент истребления целых неугодных народов региона. Правые даже попытались найти компромисс с большевиками для привлечения их на свою сторону в планируемой истребительной этнической войне. В статье указано на то, что позиция, занятая лидером терских большевиков С. Кировым стала в данной ситуации определяющей. Во многом благодаря проведению такой политики стал возможным в дальнейшем долговременный и прочный военно-политический союз между красными и ингушами в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: Моздокский съезд, Киров, социалистический блок, советская власть, Горская республика, национальная политика, Владикавказ, Ингушетия.

The Role of the Mozdok Congress of the Terek Peoples in Establishing a Political Union between Ingushetia and the Bolsheviks

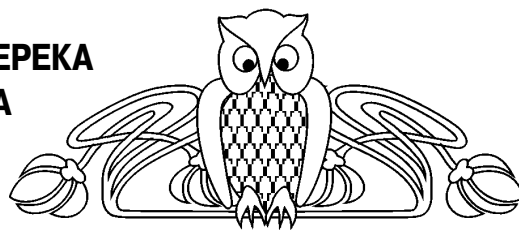
T. H. Matiev

Timur H. Matiev, ORCID 0000-0002-0703-185X, Ingush State University, 7, Zyazikov Ave., Magas, Ingushetia, 386001, Russia, tmt_77@list.ru

The article is devoted to the analysis of the prerequisites, the main driving forces, the results and consequences of the actions of the Bolshevik faction led by S. M. Kirov at the Mozdok congress of the Terek peoples in January 1918. The article points out that this forum was the first experience of cooperation between the Bolsheviks and the Ingush in the political sphere. At the end of 1917 Terek was engulfed in the internecine war, which Ingushetia was drawn into, and which could be turned into a tool for the extermination of entire «undesired» peoples in the region. The rightists even tried to find a compromise with the Bolsheviks to attract them to their side in the planned exterminatory ethnic war. The article points out that the position taken by the leader of the Terek Bolsheviks, S. Kirov, has become decisive in this situation. To a large extent it was due to this policy that a long-lasting and stable military and political alliance between the Reds and the Ingushs in 1918–1920 became possible.

Key words: Mozdok congress, Kirov, Socialist block, Soviet power, Mountain republic, national policy, Vladikavkaz, Ingushetia.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-250-253

Гражданская война на Северном Кавказе и конкретно в Терской области началась даже раньше, чем в остальной России. Этому способствовал целый ряд нерешенных проблем, доставшихся в наследство от рухнувшего монархического режима: малоземелье большинства горского и части казачьего населения, сложные межнациональные отношения, недальновидная административная политика царизма, необустроенность социальной жизни населения (образования, здравоохранения и др.).

Последние дни декабря 1917 г. и начало января 1918 г. были ознаменованы наступлением форменного хаоса в столице Терской области. Владикавказ, забитый возвращающимися с фронта деморализованными воинскими частями, люмпенами и мародерами всех мастей, превратился в зону, свободную от всякой власти и ограничений, хотя номинально там размещались целых два правительства: Терско-Дагестанское и Войсковое.

Ни то ни другое не контролировало ситуацию далее здания, в котором размещалось. Даже эту власть приходилось поддерживать, надеясь на прочность заповор и баррикад, как, например, в резиденции Войскового правительства Атаманском дворце, двери которого были завалены мешками с песком и заставлены баррикадами из мебели.

4 января 1918 г. близ Владикавказа взводом казачьего полка были убиты 5 ингушей¹, после чего «толпы ингушей съехались во Владикавказ»². Столкновения в городе продолжались неделю и сопровождалась грабежом Владикавказа как с той, так и с другой стороны³, а также со стороны различных деморализованных воинских формирований, переброшенных в октябре 1917 г. во Владикавказ «для защиты интересов горцев» и «водворения порядка»⁴.

Толпа солдат и люмпенов предприняла попытку взять штурмом так называемый Симоновский дом во Владикавказе, где временно размещалась штаб-квартира Ингушского полка Туземной конной дивизии, выведенного на родину с фронта. Среди погромщиков распространились слухи, будто бы там скрыта полковая казна, хотя на самом деле сейф был пуст, и добычи для грабителей там все равно не было. Тем не менее, защитники Симоновского дома вынуждены были держать осаду против многократно превосходящих сил погромщиков на протяжении нескольких суток⁵.

Горское правительство, находившееся во Владикавказе, бежало в Базоркино – крупнейшее

селение плоскостной Ингушетии вблизи Владикавказа. Некоторые источники утверждают, что оно передало ингушам 6 гаубиц⁶, но, скорее всего, под этими орудиями понимаются те 6 (по другим данным 8) гаубиц, которые были захвачены отрядом ингушского ветерана Туземной конной (Дикой) дивизии, будущего активного участника гражданской войны на Тереке Хизира Орцханова в учебной команде во время преследования деморализованных солдатско-люмпенских группировок после освобождения Симоновского дома⁷. Для ингушей, отряды которых под командой мулл и штаба во главе с полковником Гойговым вели тяжелые позиционные бои по всему периметру границ Ингушетии, эта помощь была очень важна⁸.

Между тем правые, используя усиление активности деструктивных элементов (законмерное в условиях начавшегося хаоса), рост количества неподконтрольного никому оружия на руках у населения (связанный с возвращением на родину частей Дикой дивизии, разбродом в частях регулярной армии и т. д.), намеревались извлечь из существующего положения максимальную выгоду. Однако на деле неожиданно выигрышно воспользовались сложившейся ситуацией как раз их антиподы – большевики, позиции которых, казалось бы, навсегда были подорваны событиями декабря 1917 г. во Владикавказе, когда местный комитет партии был разгромлен враждебными Советской власти офицерами в изобилии наводнивших столицу Терской области частей.

Именно правые перешли в политическое контрнаступление на I съезде народов Терека, созванном в январе 1918 г. в Моздоке. Они рассчитывали использовать съезд, начинавший свою работу 25 января, в качестве политического обоснования готовящейся истребительной войны против наиболее «неблагонадежных» (а в революционной ситуации особенно) ингушей и чеченцев⁹. Об этом говорит национальный состав делегатов – а именно то, что на съезде были представлены все народы Терской области, за исключением ингушей и чеченцев¹⁰. Выступившие на съезде представители казачьей контрреволюции требовали санкции съезда для общего наступления на чеченцев и ингушей¹¹.

Таким образом, именно эти два народа должны были по замыслу правых быть фактически поставленными вне закона и стать общим врагом, объединявшим часто враждебно настроенные по отношению друг к другу политические силы области на этнической почве.

В первый же день работы съезда командир конного полка Сунженской линии Таширов торжественно объявил: «Исчерпав все меры примирения с ингушами, вы – славные сыны Сунженцы, ученики нашего светлого героя Слепцова, решили мир себе завоевать оружием. Вы стали с открытой грудью на защиту наших родных гнезд... Я знаю,

что враг наш силен, и борьба с ним нелегка, но он не организован, как мы, а потому его легко побить при хорошей организации наших сотен»¹².

Помимо политического решения о начале антиингушской войны, на съезде, как видим, начали уже прорабатываться вопросы чисто военного, оперативно-тактического характера. Из этого можно сделать вывод, что в решении съезда в политическом смысле его организаторы не сомневались.

Глава «Казачьего военного совета», созданного в декабре 1917 г. в Моздоке для координации чечено-ингушского погрома, полковник Рымарь открыто заявил в первый же день работы съезда, что 50 тысяч казаков и офицеров ждут сигнала для наступления¹³. Основания для такого заявления давала большая подготовительная работа, заслуживающая лучшего применения, проведенная организаторами съезда накануне его созыва.

Решимость правых встревожила умеренные силы области и левых. Ещё 15 (28) января во Владикавказе состоялось совещание представителей областных организаций большевиков, меньшевиков, керменистов (представителей левой осетинской партии), эсеров, грузинских федералистов, решивших образовать Интерпартийное бюро социалистов. «Главные задачи объединения, – говорилось в обращении бюро, – борьба с контрреволюцией и предотвращение быстро надвигающейся межнациональной войны, грозящей потопить в крови не только революцию, но и местные народы»¹⁴.

«Решение» национального вопроса организаторам съезда из правого лагеря виделось, похоже, первоочередным. В отличие от не представляющих пока явной опасности в свете декабрьских событий во Владикавказе большевиков, все еще продолжавшие сопротивление ингуши казались правым большей угрозой. Видимо, этим объясняется факт удивительной политической уступчивости организаторов съезда, которые, казалось, готовы были пойти на любые компромиссы в политической сфере. Так, делегат Кизлярского отдела внес предложение немедленно рассмотреть вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров, чтобы якобы «получить поддержку в борьбе против горцев»¹⁵.

Однако большевики проявили себя более дальновидными и искусными политиками, чем правые. Они ухватились за факт их приглашения на съезд, которое было связано, очевидно, с тем, что правые, настроив против ингушей и чеченцев конгломерат различных национальных и политических групп, включая и эсеров, вынуждены были учитывать мнение последних и выслушивать точку зрения если не всех национальностей (о чем говорит факт неприглашения ингушей и чеченцев), то хотя бы всех партий. Киров, считавший, что надо принимать участие в съезде, сам возглавил пятигорскую группу по подготовке к нему (владикавказской руководил Буачидзе)¹⁶.

К этому времени положение режима большевиков (прежде всего в центре) начало стабилизироваться. Ленин и Троцкий пошли на временный союз с эсерами, и не исключено, что представители последних в Терской области сыграли свою роль в приглашении опальных большевиков на Моздокский съезд. На самом съезде Киров и его сторонники также учли изменения в генеральной линии своего ЦК (вряд ли они стали бы проявлять собственную инициативу в подобном вопросе – хотя фигуры калибра Кирова могли тогда еще позволять себе «в интересах дела» некоторое лавирование). Они пошли на создание так называемого «социалистического блока» с меньшевиками и эсерами, куда, правда, не вошла «часть большевиков, присутствовавших на съезде... и обвинивших С. М. Кирова, С. Г. Буачидзе и др. в соглашательстве с мелкобуржуазными партиями»¹⁷.

Для нас гораздо интереснее отношение вновь скомоченного блока, в котором сразу стали заметны именно большевики, к главному вопросу Моздокского съезда – ингушскому. Это отношение лучше всех выразил Киров, заявив в ответ на упоминавшееся «заманчивое» предложение размена признания власти СНК на санкционирование кампании репрессий против ингушей: «Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти...»¹⁸

Тем не менее, не стоит думать, что подобное заявление далось Кирову легко. Ему пришлось выдержать не только нападки «партии войны», но и части своих однопартийцев, ставивших национальные интересы выше социалистического интернационализма. Так, грозненская фракция большевиков в лице своих видных представителей Н. Гикало и Г. Иоаннисиани, не разделяли миротворческого пафоса кировского выступления. Т. Музаев считает причиной этого афронта владикавказской фракции большевиков во главе с Кировым и Буачидзе изменение расклада политических сил в столице Терской области в начале 1918 г., связанное с утратой позиций как Войсковым (окончательно прекратившим деятельность в день начала Моздокского съезда и объявившим о самороспуске)¹⁹, так и Терско-Дагестанским правительством. Образовавшийся вакуум гражданской власти рисковали заполнить наиболее воинственные и организованные (чем и похвалялся Таширов) силы в виде казачье-офицерских группировок²⁰.

Более того, Киров пошел на такой шаг, который даже сегодня осмелился бы сделать не каждый деятель любой европейской партии. По его инициативе большевики на съезде поддержали предложение социалистического блока о снятии (!) с повестки дня вопроса об отношении к СНК, «чтобы избежать раскола с большим трудом скомоченного большинства съезда...»²¹ Зато в обмен у съезда было вырвано отклонение плана «окончательного решения» ингушского вопроса.

За мирные переговоры проголосовало 168 делегатов, за войну 132²².

Вместо планируемой анафемы ингушам и чеченцам «Съезд призвал народы Терской области к прекращению братоубийственной войны и решил созвать новый съезд с участием всех народов, в том числе чеченцев и ингушей». Этим форумом не ограничился, и «была избрана делегация, которая должна была немедленно добиться прекращения военных действий»²³.

Однако, как нам представляется, уместно в данном случае также предположить и наличие еще одного важного обстоятельства. Киров, хорошо знавший местную ситуацию, в том числе и национальную, имел все основания считать, что представители ингушской национально-интеллектуальной элиты хорошо помнят и ценят его позицию по проблемам области и положению в ней ингушей в бытность журналистом терских газет десятилетием ранее. Более того, в рассматриваемый момент такие надежды Кирова могли быть практически уверенностью после недавнего успешного опыта общения не только с гражданскими, но и военными представителями ингушской элиты в период подавления корниловского мятежа. Напомним, что в те августовские дни 1917 г. именно Ингушский полк Дикой дивизии, отказавшись после общения с Кировым и членами «мусульманской делегации» войти в Петроград и железной рукой подавить сопротивление Корнилову в столице, предрешил провал мятежа.

В условиях, когда гражданские власти во Владикавказе потеряли свои позиции, и объективно усиливалась партия войны, все более насущным становилась необходимость поиска новых союзников в деле утверждения власти Советов на Тереке. В качестве такого союзника по логике вещей все привлекательнее становились именно ингуши, как наиболее близкий к центру Терской области горский народ, к тому же настроенный (пусть и по другим причинам, нежели большевики) против их врагов из числа казачье-офицерской фракции и уже имеющий опыт вооруженной борьбы, а значит – и какое-то подобие военной организации.

Таким образом, действия Кирова укладывались не только в пропагандистское русло улучшения имиджа своей партии в глазах горских народов, но и несли вполне объяснимую практическую нагрузку поиска эффективного и надежного союзника в условиях становящейся все более осязаемой реальностью гражданской войны на юге России. И в этих условиях на выбор Кирова и возглавленных ими владикавказских большевиков большое влияние оказал, как нам представляется, не только фактор трезвого политического расчета, но и хорошее знание истории и психологии горцев. Вопреки рисовавшемуся черносотенной пропагандой вкупе с криминальными колонками местных газет образом горца как человеко-зверя, которому чужды всякие цивилизованные представления о морали и этике, Киров понимал,

что на наибольший отклик может рассчитывать та политическая сила, которая демонстративно протянет руку этим партиям. И (тут уже действительно как прагматичный политик) еще Киров понимал, что реальных уступок для этого придется сделать не так уж много – горская масса не меньше оценит красивый жест и громкое слово, чем реальные шаги. А когда придет пора делать эти шаги, возможно, отпадёт и надобность в подобных союзниках-попутчиках.

Так или иначе, Киров со свойственной ему решительностью и энергичностью на Моздокском и Пятигорском съездах начал действия по налаживанию этого, оказавшегося судьбоносным для советской власти в регионе союза, встав в оппозицию к планам объявления войны ингушам и чеченцам. В дальнейшем эта линия, проводимая им, стала во многом определяющим фактором при выборе основной массой ингушей стороны в Гражданской войне в России.

Примечания

- 1 См.: *Мартirosian Г. К.* История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 208.
- 2 *Хейр-Хаев (Гойгов А.-Г.)*. Этапы революции в Ингушетии // Горский вестн. 1924. № 2. С. 42.
- 3 Там же. С. 43.
- 4 *Этенко Л. А.* Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975. С. 74.
- 5 См.: *Музаев Т. М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 гг. М., 2007. С. 333.
- 6 *Хейр-Хаев (Гойгов А.-Г.)*. Указ. соч. С. 43–44.
- 7 См.: *Музаев Т. М.* Указ. соч. С. 332.
- 8 См.: История Ингушетии. 4-е изд., доп. / ред. Н. Д. Кодзоев. Ростов на/Д, 2013. С. 417.
- 9 Там же. С. 418.
- 10 См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР : в 2 т. Т. 2. Грозный, 1972. С. 27.
- 11 История Ингушетии. С. 418.
- 12 *Музаев Т. М.* Указ. соч. С. 350.
- 13 См.: Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе, 1983. С. 108.
- 14 *Музаев Т. М.* Указ. соч. С. 350.
- 15 История Ингушетии. С. 418.
- 16 См.: *Элердов В. В.* В борьбе за Советскую Власть // О Сергее Кирове. Воспоминания, очерки, статьи современников / сост. М. И. Владимиров. М., 1985. С. 46.
- 17 *Этенко Л. А.* Тактика компромиссов в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1982. С. 72.
- 18 История Ингушетии. С. 418.
- 19 См.: *Музаев Т. М.* Указ. соч. С. 351.
- 20 Там же.
- 21 *Этенко Л. А.* Тактика компромиссов в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе. С. 72.
- 22 См.: *Музаев Т. М.* Указ. соч. С. 352.
- 23 История Ингушетии. С. 418.

Образец для цитирования:

Матиев Т. Х. Роль Моздокского съезда народов Терека в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 250–253. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-250-253.

Cite this article as:

Matiev T. H. The Role of the Mozdok Congress of the Terek Peoples in Establishing a Political Union between Ingushetia and the Bolsheviks. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 250–253 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-2-250-253.